Весь день, пока их парты мчались к востоку, к покинутой стоянке, Аквия была необычайно молчалива, Роман с тревогой поглядывал на нее; казалось, она думает над какой-то трудной, почти неразрешимой задачей. Неужели плен у дикарей так повлиял на нее? В конце концов, она не пострадала; вонючий дым, и заклинания покойного Плата в счет не шли. Разве что сказывались напряжение и страх... Конечно, она боялась! Каким бы сильным не было ее психологическое воздействие на туземцев, голод есть голод, мясо есть мясо...

Лишь раз она положила тонкую руку на мохнатое запястье Романа и тихо произнесла:

- Спасибо, Роан... Ты не только сильный мужчина... ты - великий воин!

Но Роман слышал подобные похвалы не впервые и остался равнодушен к ее словам. Дела интересовали его больше.

Они нашли свое припрятанное имущество и решили в этот день не двигаться дальше - пусть гонцы Харата разнесут весть о Великом и Ужасном Дайре, который идет на север.

К вечеру, поужинав, Роман и Аквия сидели в шатре. Как всегда, женщина устроилась на ложе, где теперь добавилось немало пышных шкур; разведчик примостился на перевернутом котле. Поигрывая сосудом с янтарной мазью, Аквия подняла на спутника взгляд зеленых глаз. Казалось, она пришла к какому-то решению; лицо ее посуровело, грудь под плотно запахнутым халатиком вздымалась в неровном дыхании.

- Скажи... - ее звонкий голос чуть дрогнул, - ты сделал это ради меня?

Роман помолчал.

- Нет, не только. - Он подумал, что в данном случае, правда, уместней всего. - Для себя... но и для тебя тоже.

- Для себя - я понимаю... - головка в бледном золоте волос склонилась в утвердительном жесте. - Но для меня?.. Почему?

- Хочу, чтобы ты попала в Берглион...

Ее глаза вспыхнули, на миг Роман ощутил, как тонкая иголочка проникла под череп, в самый мозг. Потом Аквия перевела дыхание и прошептала:

- Ты сказал правду... действительно, правду! Роан, мой страж, мой хранитель!

Тонкая рука женщины легла на его волосатую лапу, халатик распахнулся, и полные груди с напряженными сосками вырвались на волю. Роман сглотнул слюну. Нет, не только глаза его и губы остались безволосыми, была еще одна часть тела, и она все настойчивей давала о себе знать. Он пожирал взглядом налитые полусферы грудей, и бледно-алые соски, и тонкую талию, восхитительно гибкую и волнующую, и мраморные амфоры бедер, и светлый треугольник между ними, почти физически ощущая его упругую твердость.

Твердость? Неужели она хочет его? Медведя, монстра, полузверя?

Аквия поднялась, сбросила свое одеяние. Медленно-медленно скользили ладони, втирая в кожу сат-па, согревающую янтарную мазь. Плавно и неторопливо касались они шеи, хрупких плеч, живота, длинных стройных ног... Потом она повернулась. Спина, чуть выступающие лопатки, поясница, мягкие выпуклости ягодиц... Роман с трудом сдержал стон. Зачем она делает это?

Зачем мучает его?

Женщина опустилась на колени; бедра ее были плотно сжаты, кожа начала розоветь под действием бальзама.

- Роан... иди ко мне...

Ему послышалось? Или серебряный колокольчик прозвенел на самом деле?

- Роан... иди ко мне...

Он потряс головой, отгоняя наваждение: бурые космы всколыхнулись, затанцевали по плечам.

- Роан... иди ко мне...

Она почти пела эти слова, срывавшиеся с розовых губ как магическое заклинание: "Роан... иди ко мне..."

Будто зачарованный, Роман передвинулся со своего котла на мягкую постель. И Аквия двинулась ему навстречу. Ладони ее теперь скользили по косматым плечам, бедра широко разошлись; миг - и она сидела у него на коленях, обнимая за шею и спрятав лицо на груди. Казалось, прикосновение нежной кожи к жестким волосам лишь волнует ее все больше и больше, подогревая страстное желание.

Ноги женщины скрестились на спине Романа. Она подняла голову, тонкие пальцы нетерпеливо тормошили его бороду и усы, пролагая дорогу к губам, потом она приблизила свое лицо, и горячий язык проскользнул внутрь, обжигающий и юркий, как нагретая солнцем ящерка.

Аквия привстала, не отрываясь от его губ. Теперь ее руки возились где-то внизу, разбирая шерсть волос к волоску, прядка за прядкой, освобождая то, что требовалось освободить. Роман играл с ее языком, обхватив ладонями округлые ягодицы и почти не ощущая кожи. Но запах он чувствовал! Пьянящий, терпкий и нежный аромат, который сводил его с ума!

Головка Аквии откинулась, она резко опустилась вниз, издав короткое серебристое "Ах!" Роман поймал губами сосок и стиснул; женщина застонала, извиваясь в его руках. Потом, упершись пятками в мягкий ворс постели, она начала ритмично раскачиваться, испуская звонкие хрустальные возгласы, что таяли под кожаным пологом как ликующие вскрики сказочной птицы.

И Роман понял, что обоняние и слух дарят ему то, что отнято грубой, нечувствительной кожей, заросшей бурыми лохмами. Он слушал и вдыхал - и это возбуждало не меньше, чем те восхитительные плавные движения, которыми Аквия доводила до экстаза свою и его плоть, чем ее набухший сосок на языке, чем кольцо ее ног, сжимавших его тело.

Долго, долго - целую вечность! - длился этот поединок красавицы с чудищем; потом оба они застонали и замерли в сладкой истоме. Нимфа отдалась фавну, эльфийка снизошла до тролля, лоно Снежной Королевы оросил животворный поток, исторгнутый зверем.

* * *

Уставшие, они лежали в темноте, и руки Романа обнимали тонкий стан и плечи Аквии. Разведчик улыбался: теперь и в этом мире у него была своя женщина. Настоящая женщина.

Аквия зашевелилась, ее ладошка блуждала по груди возлюбленного, пытаясь проникнуть к коже. Тщетно! Шерсть была слишком густой.

- Роан, давай я освобожу тебя от этого...

Роман подумал.

- Нет, моя королева. Путь еще далек, кругом - холод и снег. Если тебе не слишком неприятно.

- Не слишком... - она хихикнула, как напроказившая девчонка. - Скорее наоборот! Но я думаю, что неприятно тебе.

- Мы достигли огромного прогресса в наших отношениях, - заметил Роман, снова улыбаясь в темноте, - теперь мы думаем друг о друге.

Аквия повозилась у его груди.

- Роан?

- Что, милая?

- Когда мы придем в Берглион - что ты будешь делать?

- А что будешь делать ты?

Она помолчала, потом вдруг начала шептать прямо ему в ухо, горячо и сбивчиво:

- Раньше я думала - увидеть и умереть... Теперь я хочу жить... жить! Понимаешь, Роан, когда-то мир был совсем иным, ярким, щедрым... много, много тысяч лет назад... никто не знает теперь, сколько прошло времени с тех пор. Предки... о, предки умели многое! Меняли мир, меняли себя, и то, что я умею - лишь отзвук былых знаний. Летали... да, летали далеко, очень далеко! Многие улетели совсем, немногие - остались... Но мир был по-прежнему прекрасен! - она судорожно вздохнула. - Потом... потом что-то случилось с солнцем... Стало холодно... Льды покрыли Дарсолан, сковали все моря, все земли на севере, на западе и востоке. Леса, травы - все умерло... умерли краски, цвета - зеленый, красный... Лишь на юге остались деревья фиолетовые, как небо на закате... Люди... люди тоже умирают. Мой край, древний Кламстар, опустел... В Городе, - она так и сказала "в Городе", и Роман понял, что Город - один. - Да, в Городе осталось пять тысяч семей... в поселках - может, еще столько же... - Аквия тесней прижалась к Роман. - Они не хотели, чтобы я уходила. Таких мало... даже в Доме Властителей, среди избранных, где способности передаются по наследству... Людей же надо лечить... утешать... дарить им легкую смерть...

Вот как все было, думал Роман, напряженно вслушиваясь в ее шепот. Многие улетели, немногие - остались... Те, кого устраивал родной мир, кто не испытывал тяги к дальним странствиям среди звезд. Они жили на своей прекрасной древней планете долго и счастливо, но все хорошее имеет конец...

Аквия продолжала шептать:

- Но я ушла. Устала... Устала от безысходности! Когда мир умирает, не хочется жить, - понимаешь, Роан? Я решила - дойду до Берглиона или погибну в дороге... Решила - и ушла! Почти убежала...

- Теперь ты знаешь, что доберешься туда, - уверенно произнес Роман. - И что же?

- Не умру. Буду жить - среди таких же, как я, среди тех, кто пришел туда раньше, кто родился там. И если ты, Роан...

Он понял, что она хочет сказать, и обнял ее, ласково и крепко.

- Сколько смогу, я пробуду с тобой, моя Снежная Королева. У нас еще есть время... - он не сказал, что времени этого мало, очень мало, по любым меркам, земным или берглионским - всего месяца полтора. Он боялся даже подумать об этом, чтобы Аквия, колдунья, не уловила, сколь ничтожным является этот промежуток по сравнению с жизнью. Но ведь случается, что события одного двух дней круто меняют ее, оставляя след, подобный яркому росчерку болида, прилетевшего из неведомых глубин.

- Спасибо, Роан... - серебряный колокольчик вдруг окреп, заговорил в полный голос.

- Ты заразила меня своим Берглионом, - признался Роман. - Теперь я тоже хочу взглянуть на него. Он даже снился мне как-то раз, хотя я не уверен, что это были мои сны...

Аквия тихонько вздохнула и погладила его плечо. Некоторое время они лежали, молча, словно прислушиваясь к мертвой тишине на снежно-фиолетовых равнинах Дарсолана, что раскинулись за тонкой стенкой шатра.

- Аквия?

- Да? - это "да" было теплым и легким, как пушистая шапочка одуванчика, нагретая полуденным солнцем.

- Те, кто живет в Берглионе... Помнящие... они - счастливы? Они не ищут легкой смерти?

- Не знаю... Наверно, нет...

- Сколько их?

- Немного. Сто или сто пятьдесят...

- Откуда ты знаешь?

Женщина приподнялась на локте, нежно разглаживая шерсть на груди Роман, в слабом свете, исходившем от крохотной печки, лицо ее казалось серьезным и сосредоточенным.

- Нужны новые Помнящие, их слишком мало, Роан. Иногда они шлют посланцев к нам, те ищут подходящих людей, предлагают уйти на север. Некоторые соглашаются, некоторые нет... она покачала головой, глаза ее стали печальными. - Восемь лет назад был гонец, и мои учитель ушел с ним. Ушел тот, который научил меня всему, что я знаю и умею - она снова покачала головой. - Я была совсем еще девчонкой тогда, но помню рассказы посланца. Учитель... он, когда уходил, сказал - пришло его время... и еще сказал - мое время тоже придет... Видишь, так оно и случилось!

* * *

Наступило утро, и они снова отправились в путь. Собаки, накормленные и хорошо отдохнувшие, бежали быстро, нарты, чуть раскачиваясь, плыли по снежной равнине, словно крошечный темный жучок, одолевающий безбрежные пространства гигантского экрана в

каком-то вселенском кинотеатре.

Роман мысленно прокручивал в памяти события последних дней, сортируя их, раскладывая по полочкам, откуда Максимов в свое время извлечет их, зафиксировав в виде бесстрастного рассказа на магнитофонной ленте.

Мог ли он что-то скрыть? Что касается фактов - бесспорно, нет. Но ощущения, чувства, мысли? Он вспомнил последний разговор в подземельях Кремля, перед самой отправкой. Да, он был пока что лишь репортером, передававшим внешнюю канву событий, но не обозревателем, толкующим их, способным вникнуть в скрытую от поверхностного взгляда суть. Вернее, он мог вникнуть и вникал, сложности возникали только при изложении.

Как ему рассказать об Аквии? О том, как день ото дня менялись их отношения, о пути, проделанном между обманом и искренностью, о сердечной привязанности, пришедшей на смену телесной страсти? Может быть, Бальзак или Мопассан, великие знатоки женской души, сумели бы это сделать. В его же отчете про Аквию будет сказано сухо и коротко: женщина из южных краев, целительница и знахарка с телепатическими способностями...

Да, в том споре, который затеяли Максимов и генерал, оба старика были правы! Евгений - потому что справедливо подозревал, что отчеты его подчиненного далеко не полны, Максимов - намекая на то, что сейчас большего от Романа Гилева ждать и требовать нельзя. Придет время, и его мысли, догадки, предположения, чувства, перекипев в котле времени на огне раздумий, примут сколько-нибудь завершенную форму, тогда и только тогда он сумеет подкрепить правду фактов правдой ощущений.

Пока что даже не все факты были вполне ясны ему.

- Аквия?

Она повернула к Роману разрумянившееся на морозе лицо.

- Как живут люди в замке? Я имею в виду не их работу, а повседневную жизнь... Ну, например, как они добывают пищу?

- Море кормит... - женщина пожала плечами. - И Помнящих в Берглионе, и тех дикарей, которые напали на нас. Море еще богато... Потом, в замке есть специальные коридоры... большие, длинные... В них - свет и земля, в которой растут овощи и плоды, даже такие, каких нет на юге...

Свет, земля, растения? Теплицы? В этом ледяном краю? Невероятно!

Но самое невероятное ждало его впереди.

- Берглион строили предки, - задумчиво сказала Аквия. - Посланец рассказывал: там - шахта... бездонная... идет в глубь земли... И есть еще нечто, что дает тепло и свет... он называл это "ма-ши-ны".

Геотермальная станция? Электричество? Вероятно... Роман с удивлением поскреб в затылке. Его любопытство разгоралось с каждой минутой.

- Значит, Помнящие хранят знания и картины прошлого, следят за всеми чудесами древних? - спросил он.

- Не только. Они ждут.

- Ждут? Чего?

Аквия подняла лицо к серо-фиолетовому небу, глаза ее горели чистым хризолитовым огнем.

- Может быть, те, кто улетел в незапамятные времена, вспомнят о нас и придут... Может быть, они захотят помочь нам! Может быть, они сделают наше солнце живым или заберут нас... увезут далеко-далеко, туда, где зеленые деревья и голубое море... где нет снега и льда... - голос ее замер. Внезапно она встрепенулась, будто вспомнила что-то необычайно важное, и сказала: Знаешь, много лет назад, в Берглионе, в запечатанном хранилище, нашли странную ма-ши-ну. Она как будто спит. Такой большой... - женщина в затруднении развела руками, - большой стол, и на нем - огни... - Пульт, понял разведчик. - Горят ровно, не мерцают, и слышится слабый гул. Но нет ничего, что можно нажать или повернуть - так говорил посланец. Только стол, огни и толстая черная веревка...

Компьютер или передатчик? Очень похоже, подумал Роман, Но на любом из таких устройств можно много чего нажать или повернуть... если только это штука не похожа на коммуникатор Максимова. Черная веревка? Это еще что? Внезапная мысль заставила его вздрогнуть.

- Веревка - куда она ведет? - он уже не сомневался, что речь шла о соединительном кабеле. Интересно будет поглядеть на эту спящую машину с огоньками!

- Никуда, - Аквия передернула плечиками. - Один конец уходит в стол, а на другом... на другом - такая большая шапка, из проволоки и прозрачных, как лед, камней...

Шлем! Роман осторожно коснулся меховой рукавички Аквии.

- Скажи, милая, никто не пробовал одевать эту шапку на голову?

Она не знала. Да и не слишком интересовалась этим. Она мечтала увидеть картины прошлого, сказочные гобелены Берглиона, а не стол с огоньками. Конечно, древняя машина была чудом, но еще большим чудом казался голубой простор Дарсолана, по которому ветер катит ласковые теплые волны в кружеве пены. Она хотела насладиться этим зрелищем - пусть даже только на картине. И она хотела узнать кое-что еще.

- Роан?

Роман повернулся к ней. Аквия не глядела на него; ее взгляд был устремлен вперед, на бело-фиолетовую равнину, плавно стелившуюся под полозья, и он видел лишь точеный профиль и золотистую прядь, упавшую на лоб.

- Роан... Та девушка, о которой ты говорил... девушка, которой тоже нравится смотреть картины прошлого... кто она? Ты... ты ее любишь?..

О, женщина! В мире снега и льда, под умирающим багровым солнцем, в краю, где род человеческий обречен на медленное вымирание - даже там ты останешься сама собой...